

ПЛЕНЯ

Григорий Кирьянов

Племя

<https://litres.ru/74232458>

SelfPub; 2026

Аннотация

Закрытый город Эдем годами похищает людей из лесных племён. Когда пропадает брат молодой охотницы, она проникает за стены и узнаёт, что почти все жители Эдема пленники лжи. Лук - единственное, чему она доверяет, пока не окажется в мире, где вернуть одного человека значит разрушить дом тысячи других..

Содержание

Глава 1. Пустая постель	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Григорий Кирьянов

Племя

Глава 1. Пустая постель

Рокс возвращалась с ночной охоты той тропой, которую знала не глазами, а стопами, там, где корень выступал горбом, там, где земля проседала после дождя, и весь путь домой нёс на себе то ровное, сонное довольство, с каким лес провожает охотника, взявшего свою добычу и не взявшего лишнего: два кролика на поясе, лук за плечом и гордость. Светало неохотно, как светает поздней весной, когда солнце ещё лениво нежится в облаках, и первые птицы пробовали голос вразнобой, ещё не сговорившись между собой, с чего начинать день.

У самой границы посёлка, где частокол из молодых стволов расступался, пропуская тропу внутрь, на низкой ветке всегда висел оберег: три косточки, нанизанные на жильную нить бабкой Тавин ещё до рождения Рокс, и по утрам, когда ветер спускался с холмов вместе с рассветом, косточки звенели друг о друга - тонко, сухо, как звенит настоящий, живой дом, в котором кто-то уже встал и готовится встретить день.

В то утро они не звенели.

Рокс остановилась в пяти шагах от частокола, и лес за спиной у неё, кажется, тоже остановился, во всяком случае, так ей казалось, хотя разум подсказывал: это она перестала слышать, а не лес перестал шуметь. Оберег висел неподвижно, будто ветер обошёл его стороной нарочно, из вежливости, не желая тревожить то, что уже случилось. Она не сразу подошла ближе. Тело, натренированное - на то, чтобы сперва слушать, потом решать, держало её на месте, пока глаза сами, без спроса, не пробежались по ближнему дому и не нашли то, что искали заранее, ещё до того - как она осознала, что ищет.

Полог над лежанкой Тео был распахнут.

Не сдвинут ветром - ветра не было. Не приподнят изнутри, как приподнимают его сонные дети, выбираясь до рассвета по нужде, такой полог падает обратно сам, тяжёлой шкурой, и мягко ложится на место. Этот был откинут в сторону зацепившись за столб, аккуратно. Тео не смог бы дотянуться так высоко, ему было всего двенадцать.

Кто-то откинул этот полог.

Рокс уронила кроликов, разжав пальцы, которые до этой секунды держали их на поясе машинально, и лук оказался у неё в руках раньше, чем она успела подумать. Так было устроено её тело последние двенадцать лет, с того самого дня, когда одна-единственная доля мгновения решила для них с Тео отца - всё. Она не помнила, чтобы её этому учили. Руки сами знали: сначала оружие, потом мысль. Иногда это спасало жизнь. Иногда - как сказал бы Орн, не разжимая губ, - делало из спасения могилу для кого-то другого.

Она была девятнадцать лет от роду, Рокс, из рода, что звался теперь Верхним Олышаником, лучшая лучница племени, если верить старикам, хотя сама она не любила это слово, «лучшая», оно ничего не говорило о том, скольких стрел это стоило и скольких промахов. Лук, который она сейчас держала, был не выструганный когда-то на вырост, какие отцы делаю сами для своих детей, а тот, Тавин, из тёмного, отполированного временем дерева, который передавали не по возрасту, а по праву, и с прошлой зимы этим правом обладала она.

Земля у порога, там, где утренняя роса ещё держала след, несла на себе тёмное пятно, слишком настоящее, чтобы быть чем-то, кроме крови.

Она опустилась на одно колено и коснулась пятна двумя

пальцами. Кровь подсохла с краёв, но в середине ещё держала свою свежесть: часа три, может, четыре. Значит, ещё до того, как небо начало сереть. Значит, пока она вытаскивала стрелы из кроличьих тушек в трёх верстах отсюда, довольная удачной ночью, здесь, у порога её собственного дома, кто-то истекал кровью.

Тео.

Она не произнесла имя вслух, но оно встало у неё внутри так плотно, что на секунду перекрыло дыхание крепче любого удара. Ему было двенадцать. Он спал крепче всех в посёлке, всегда, с самого младенчества. Их мать говорила, что он унаследовал это от отца, который тоже мог проспать грозу, и не унаследовал от него только одно: осторожность, которая отцу всё равно не помогла в его последний день.

- Рокс.

Тихий голос донёсся сзади. Гвэн, соседка через два дома, женщина в годах, вышедшая по ранней надобности и застывшая теперь в середине поселения.

- Не звенит, - сказала Рокс, не оборачиваясь, кивком указывая на оберег, потому что других слов пока не нашла, а

эти были правдой, короткой и достаточной.

Гвэн подошла ближе, и по тому - какое выражение значилось на ее лице, Рокс поняла: это не только её горе. Значит, не только Тео.

- Кто ещё? - спросила Рокс.

- Сын кузнеца. И... - Гвэн запнулась, и в этой заминке было больше страха, чем в любом крике. - И дочь Ойдена.

Три ребёнка. Не один. Не случайность, не заблудившийся зверь, вошедший через прореху в частоколе, рука чужака, которая знала, куда идти и кого забирать, и ушла так тихо, что даже собаки не залаяли, а собаки в Верхнем Ольшанике лаяли на всё, что пахло не своим.

Рокс поднялась с колена, и лук лёг ей на плечо тем же движением. Где-то за спиной, в глубине племенного поселения, уже начинался тот особый, придушенный гул, с каким просыпается место.

- Ойден где? - спросила она.

- Он мёртв, - сказала Гвэн, и голос её впервые дрогнул по-настоящему.

Ойден не был глуп, и уж точно смог бы защитить себя и семью. Это означает, что чужаки были дальше, чем бьёт лук, либо это тихое спланированное нападение. Рокс на секунду позволила себе представить это расстояние - вытянутую, невидимую линию между домом Ойдена и тем, кто его мог убить.

Она подняла голову к светлеющему небу, взяла в лёгкие воздух до самого дна и сложила руки так, как учил её отец, а отца - учил его собственный отец, и выпустила в утренний воздух долгий, дважды повторённый крик совы.

Это был не охотничий сигнал. Совиный крик, не означал «зверь у реки» или «хищник на тропе» - для этого существовали другие сигналы, воронья дробь, лай лисицы. Двойной совиный крик означал одно, и это знал в посёлке каждый ребёнок, едва научившись говорить: чужие.

Крик разнёсся над лагерем, отразился от частокола, зацепился за кроны, ушёл дальше, туда, где начинался настоящий, дремучий лес, - и посёлок за спиной Рокс отозвался почти мгновенно: хлопанье полов, короткие сдавленные голоса, шаги, слишком частые для мирного утра. Кто-то уже бежал к длинному дому, где созывался совет. Кто-то, она слышала это скорее телом, чем ухом, уже вытаскивал из

земли воткнутые на ночь копыя.

Рокс стояла у порога пустой постели брата, всё ещё перетирая пальцами не до конца стершийся отпечаток крови, и ждала, нечто в глубине груди, старше любого решения совета, старше даже её собственного горя, требовало тишины ещё на один вдох, прежде чем она позволит себе сдвинуться с места.

И тишина ответила.

Крик совы, повторённый ею дважды, разошёлся над лесом на добрые полверсты, а с другой стороны, от самой Мёртво

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.